

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1.316

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

В. Н. Артемов

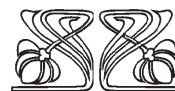
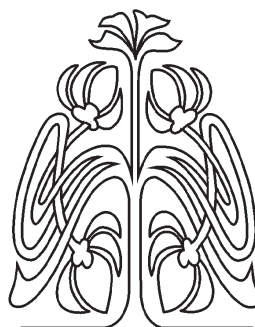
Артемов Владимир Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры истории, Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета
E-mail: vladimir-artemov@list.ru

В русле институциональной теории институционализация общественных отношений начинает рассматриваться как вариант стабилизации и консолидации общества, гарантия стабильности и устойчивого эволюционного развития социума. В статье анализируются разные методологические подходы в исследовании концепции институционального человека и порядка социума, которые позволяют говорить о целом ряде типологических интерпретаций и противоречий функционирования институционального человека, позволяющих сделать вывод о том, что в междисциплинарных исследованиях начинает формироваться конструкт институционального человека, претендующий на центральное место объекта институционализма.

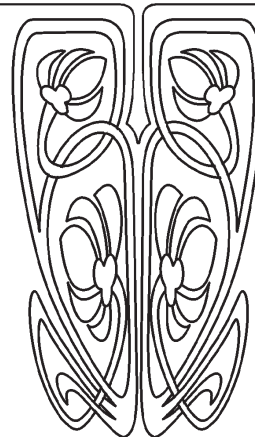
Ключевые слова: амбивалентность, гражданское общество, институт, человек, институциональный человек, система интересов, социум, общество риска.

Понятие «институциональный человек» появилось в отечественной литературе на рубеже XX–XXI вв. как следствие социально-политических и модернизационных процессов, спровоцировавших институциональный кризис в России начала 90-х гг. XX в. Эти модернизационные процессы, по сути, мало чем отличающиеся от социальных революций 1917 г., стали импульсом для становления национального общества риска и привели к бурному развитию институциональных теорий, в частности: институциональных экономики, политологии, социологии, которые имеют много общего с неоинституционализмом на Западе. В этих теориях институциональный человек, выделяясь как самостоятельная категория, в той или иной мере противопоставляется конструкту «Другого», в институциональной экономике – экономическому человеку, в философских исследованиях – ценностному человеку.

Указанные типологические интерпретации институционального человека имеют право на существование и считаются довольно продуктивными, например, рассмотрение институционального человека как антипода экономическому, «когда нерациональный, автоматически соблюдающий правила или полностью ограниченный определённой ему извне ролью агент противопоставляется полностью рациональному, изолированному от социального окружения и максимизирующему свою полезность индивиду. Это позволяет инкорпорировать в модель человека неэкономические мотивы, роль которых несомненна» [1, с. 17]. Такая типологическая интерпретация формирует понимание естественной амбивалентности человека, которая начиная с середины XX в. вполне конкретно просматривается в философской литературе.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Введённое в научный оборот швейцарским психиатром и психологом Э. Блейлером понятие амбивалентности как двойственности переживания, когда один и тот же объект у человека вызывает «противоположные чувства, удовольствия и неудовольствия; одно из чувств иногда подвергается вытеснению и маскируется другим» [2, с. 149], сегодня в научной литературе значительно расширено. В философской литературе существует мнение, что амбивалентность выражает не только и не столько двойственное отношение человека к объекту, сколько его имманентную сущность. Аналогичные взгляды существуют и в экономической литературе.

Сегодня можно согласиться с тем, что в экономической теории феномен институционального человека возник в процессе длительной работы над теорией эндогенных факторов производства как формальная противоположность человеку экономическому. Выделение институции и институтов как социальной формы возникновения, типизации, закрепления и осуществления функций хозяйствующими субъектами позволило учёным-экономистам переосмыслить суть отдельных элементов категориального ряда институциональной теории. Современная экономическая теория, трактуя человека как индивида, живущего и ведущего хозяйство в неизбежном и неотделимом от него институциональном существовании, показывает, что «человек экономический» уже содержит в себе «человека институционального», поскольку рационализм первого стоит на фундаменте ценностей второго» [1, с. 13–14].

В контексте институциональной теории начинает формироваться конструкт институционального человека, претендующего на центральное место субъекта институционализма как амбивалентного – рационально-ценностного человека. Раскрыть бытие институционального человека посредством различных институций и институтов становится задачей междисциплинарных исследований.

Категория «институт» как основное понятие институционализма в социальной философии и дисциплинарных теориях традиционно рассматривается в качестве исторической формы организации и регулирования общественной жизни, важного элемента структуры общества. С помощью социальных институтов «упорядочиваются отношения между людьми <...> обеспечивается устойчивость общественной жизни» [3, с. 209]. Развивая мысль в этом направлении, можно предположить, что социальный институт – это структурирующая социум система сложившихся и устоявшихся норм, предполагающая своё развитие, т.е. социальный институт – форма со структурированным содержанием. В русле институциональной теории институционализация общественных отношений начинает рас-

сматриваться как путь, вариант стабилизации и консолидации общества, гарантия стабильности и устойчивого эволюционного развития социума. Это актуально в условиях существующего сегодня общества риска.

С признанием имманентной амбивалентности человека появляется возможность реализовать идею междисциплинарного исследования в контексте проблем институциональной теории, предложив другую типологическую интерпретацию институционального человека. Онтологические основания институционализма показывают, что изначально человек в обществе, человек социума есть человек институциональный. Любой социум, государство, семья являются социальным институтом, предполагают устойчивость, социальную справедливость и наличие институционального человека.

Заложенная, возможно, на уровне подсознания двойственность человека развивает и усиливает его различные качества и стремления. Стремление к жизни и страх смерти человека, так же как и в социуме, порождают действие двух групп сил, выражающих стремление к развитию, свободе, с одной стороны, и к самосохранению, порядку, стабильности – с другой. В обществе риска действие этих сил может быть деструктивным: игнорируются устоявшиеся консервативные нормы; амбивалентные свойства человека нивелируются эгоизмом, рациональная личность разрушается; в человеке абсолютизируются и начинают доминировать одномерные качества. Доминирование или абсолютизация одного направления в ущерб естественной амбивалентности формирует «одномерного» человека, провоцирует ментальный кризис, деструктурирует социум путем возникновения рискованных ситуаций. Разные ценностные основания в одном и том же жизненном пространстве вызывают противоречия функционирования институционального человека.

Из анализа междисциплинарных исследований становится понятно, что социальный риск, имеющий аксиологические корни, провоцируется разницей интересов человека и социума. Противоречие или разница личных, человеческих интересов как между людьми, так и в сложившейся системе социальных ценностей и институтов провоцируют «взрывоопасные» ситуации.

В отличие от имманентной амбивалентности, подразумевающей рациональность институционального человеку в системе гражданского общества и правового государства, «взрывоопасные» ситуации социума формируют типологические концепты «незавершённого человека», человека риска, «одномерного человека» Г. Маркузе, «бунтующего человека» А. Камю, сложившихся под влиянием духовной атмосферы и функциональной дифференциации индустриального мира в формирующемся «информационном» обществе.

В «одномерном человеке» Г. Маркузе естественные человеческие влечения вступают в противоречие с нормами репрессивной культуры индустриального типа и превращаются в антропологические источники рисков. Нарастание рисков в сфере противостояния человека и культуры, разрушающих жизненное пространство социума и социальные институты, по мнению Маркузе, могут привести к катастрофе человеческой сущности.

С преодолением абсурдности существования, навязанного индивиду внешней средой, А. Камю связывает движение человека к самому себе. Писатель утверждает: «Бунтующий человек, напротив, в своём первом порыве протестует против посягательства на себя такого, каков он есть. Он борется за целостность своей личности. Он стремится поначалу не столько одержать верх, сколько заставить уважать себя» [4, с. 130]. Аналогичные явления в обществе риска из-за неустойчивости системы социума происходят и с институциональным человеком: в процессе функционирования и в борьбе за выживание он становится «человеком бунтующим».

В приведённых типологических подходах имманентная амбивалентность человека, содержащая такие этические качества человеческой культуры, как справедливость, ответственность, порядочность, совесть, патриотизм, чувство долга, гуманизм, рассматривается в качестве противоречия нерациональной общественной жизни, провоцирующей социальные риски, которые, в свою очередь, деструктурируют порядок социума.

Глобализация мирохозяйственных отношений, урбанизационные процессы формируют новые реалии политического и социально-экономического развития. Развитие демократических свобод, культуры, образования, интеллекта выравнивает социально-классовую структуру общества. Идёт объективный и во многом противоречивый процесс становления среднего класса, стремящегося к доминированию в структуре современного социума. Благодаря формированию мощного трансклассового, состоящего из представителей различных классов и слоёв, среднего класса стал возможен конструкт институционального человека, способного обеспечить процесс развития свободы и рациональный порядок социума. Поэтому, возвращаясь к проблеме амбивалентности человеческой природы, необходимо сформулировать философские понятия, отражающие причины напряжённого состояния человека в обществе риска.

Подчёркивая социальную сущность человека, В. Соловьёв говорит, что общество есть расширенная личность: «Различные народности суть различные органы в целом теле человечества – для христианина это есть очевидная истина»

[5, с. 65]. Развивая мысль в этом направлении, можно сделать вывод, что личность есть «сжатое общество», т.е. человек изначально является существом лично-общественным, и в здоровом социуме, важным показателем которого является социальная справедливость, антагонистического противоречия между личностью и обществом быть не может. Но в больном человеческом организме, точно так же, как и в поражённом социальными болезнями обществе, усиливается действие деструктивных сил, разрушающих как человека, так и социум. Следуя логике В. Соловьёва, что человек есть «сжатое общество», функциональная дифференциация человека предполагает как естественное состояние и функциональную дифференциацию общества.

Рассматривая конструкт институционального человека в обществе риска как субъект управленческой деятельности, с одной стороны, и как законопослушную личность – интеллигента, врача и учителя, рабочего, военного и государственного служащего, представителя среднего класса – с другой стороны, видно, что в зависимости от ситуации и культурно-ценностных оснований в структуре национального общества риска могут возникать «жёстко» институционализированные, рискогенные социумы, в которых институциональный человек может приобретать негативные, асоциальные качества. В рискогенном обществе институциональный человек может быть как членом организованной преступной группировки, так и просто «серой» посредственностью системы как отрицательный типаж чиновника, бюрократа, снова показывая свою нелогичную односторонность. «Посредственное длительно существует и в конце концов правит миром. Эта посредственность обладает также и мыслями; она убеждает в правоте этих маленьких мыслей окружающий мир, уничтожает яркую духовную жизнь, превращает её в голую рутину, и она таким образом обеспечивает себе длительное существование. Её долговечность и означает именно то, что она упорно стоит на своей лжи, не добивается и не достигает своей правды, не воздаёт должное понятию, эта долговечность царства посредственности означает, что истина не воплощается в нём как процесс» [6, с. 52]. Разные ценностные и ментальные основания в условиях функциональной дифференциации социума, уничтожая рациональную сущность и превращая в «посредственность» институционального человека, предполагают противоречия его функционирования.

Лекарством от посредственности является демократия, амбивалентность социума, позволяющая воплотить в нём истину как процесс. По своей природе, в своей сущности любой социум, так же как и человек, амбивалентен. В обществе, как и в человеке, проявляется действие двух

групп сил: стремление к развитию, переменам и стремление к порядку, стабильности. Когда в социуме преобладают какие-то одни цели, задачи, ценности массовой культуры, когда его институционализация обладает консервативной направленностью, социум не решает задач объединения, в нём человек не защищён, находится в стрессе, человек – рискогенен.

Современные российское государство и гражданское общество как системы социальных институтов имеют односторонний характер, где преобладают интересы бизнес-элит. Разбалансированная система интересов и ценностей развивает в человеке одномерные качества, появляется страх, индивид становится более управляемым. Социум в такой ситуации является рискогенным обществом. Современное общество риска, управляемое корпоративными политическими элитами, вынуждено постоянно формировать новые концепции незавершённого экономического, политического, информационного человека.

Влияние социальной среды на развертывание противоположных человеческих качеств обстоятельно анализируется Э. Фроммом в работе «Душа человека». Учёный полагает, что общество может или содействовать раскрытию качеств человека, его потенциальных возможностей, или подавлять, искажать, деформировать эти качества, подчёркивая, что «когда в человеке действуют противоречивые склонности, у него есть свобода выбора. Границы этой свободы определяются существующими реальными возможностями. Эти возможности детерминированы общей ситуацией» [7, с. 16]. Философ выясняет столкновение интересов человека и общества на примере самых различных человеческих качеств, которые в действительности оказываются инструментом воздействия социальных институтов на индивидуальное бытие человека.

Анализ разных методологических оснований показывает, что не все типологические интерпретации институционального человека предполагают противоречия его функционирования. Здесь необходимо снова подчеркнуть, что социально-политические процессы в любой общественной системе в естественном состоянии проявляют действие двух составляющих, двух групп сил, выражающих, с одной стороны, стремление к развитию, с другой – стремление к стабильности,

характеризующих амбивалентность социума. Одна группа сил стремится к обновлению, например, института демократии, соответствию его новым требованиям и задачам, к поступательному социально-экономическому развитию, становлению свободы, совершенствованию институтов самоуправления и гражданского общества, традиционно находя своё теоретическое выражение в идеологии либерализма. Другая группа сил, отстаивая стабильность института демократии, гарантии сохранения социального спокойствия, уверенность в завтрашнем дне, находит свою теоретическую основу в консервативной идеологии.

Соперничество этих мировоззрений в истории, абсолютизация какого-либо из них постоянно разрушали естественную амбивалентность социума, создавая различные рискогенные ситуации. Поражая общество теми или другими социальными болезнями, это соперничество формировало рискогенное общество. Но развитие этих же мировоззрений на основе социал-демократических ценностей социальной справедливости и социальной ответственности предполагает совершенно другой результат. В этом случае сохраняется естественная амбивалентность социума, формируется универсальный конструкт институционального человека, совершенствуется и развивается институт демократии, выражающий рациональные интересы управления и самоуправления как свободу человека и порядок социума. В таком социуме институциональный человек выступает гарантией порядка и развития, это – человек демократии, представитель системы гражданского общества и правового государства.

Список литературы

1. Homo Institutus – Человек институциональный / под ред. д-ра экон. наук О. В. Иншакова. Волгоград, 2005. 854 с.
2. Новая иллюстрированная энциклопедия : в 20 т. М., 2000. Кн. 1. 225 с.
3. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. 840 с.
4. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. / пер. с фр. М., 1990. 415 с.
5. Соловьёв В. С. Соч. : в 2 т. М., 1989. Т. 1. 688 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Соч. : в 14 т. М. ; Л., 1934. Т. 2. 683 с.
7. Фромм Э. Душа человека. М., 1998. 664 с.

Typological Interpretations and Contradictions of Functioning of the Institutional Man

V. N. Artemov

Balashov Institute (branch) of Saratov State University,
29, Karl Marx str., 412300, Balashov, Saratov region, Russia
E-mail: vladimir-artemov@list.ru

In line with the institutionalization of institutional theory of public relations beginning to be considered as a variant of the stabilization and consolidation of the society, a guarantee of stability and steady evolution of the society. The article analyzes the different methodological approaches

in the study of the conception of human that suggest a number of typological interpretations and contradictions of the institutional order of man and society. It leads to the conclusion that the multidisciplinary research institution begins to form a construct of man, claiming the central place of the object of institutionalism.

Key words: ambivalence, civil society, institution, person, institutional man, system of interest, society, society of risk.

References

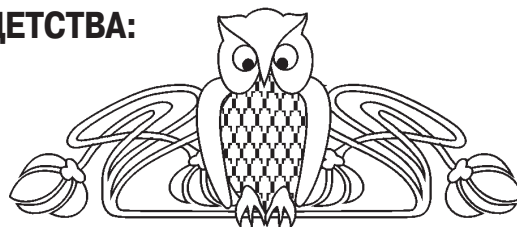
1. *Homo Institutius – Chelovek institutsionalny* (Homo Institutius – Institutional Man). Ed. by O. V. Inshakov, a doctor of economic sciences. Volgograd, 2005. 854 p.
2. *Novaya illyustrirovannaya entsiklopediya: v 20 t.* (A new illustrated encyclopedia: in 20 vol.). Moscow, 2000, vol. 1, 225 p.
3. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* (The encyclopedic dictionary of philosophy). Moscow, 1983. 840 p.
4. Camus A. *L'Hommerevolte*. P., 1951. 136 p. (Russ. ed.): Kamyu A. *Buntuyushchiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo*. Per. s fr. Moscow, 1990. 415 p).
5. Solovyev V. S. *Sochineniya v 2 t.* (Works: in 2 vol). Moscow, 1989, vol. 1. 688 p.
6. Hegel G. W. F. *Naturphilosophie. Hegels Sämtliche Werke: in 26 v.* Leipzig, 1923. Bd. XVIIIa. 369 s. (Russ. ed.: Gegel G. W. F. *Sochineniya: v 14 t.* Moscow; Leningrad, 1934, vol. 2, 683 p.).
7. Fromm E. *Die Seele des Menschen: ihre Fähigkeit zum Guten und zum Bösen*. Frankfurt/M; Berlin; Wien; Ullstein, 1981. 170 s. (Russ. ed.: Fromm E. *Dusha cheloveka*. Moscow, 1998. 664 p.

УДК 159.964.22

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ДЕТСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Н. А. Басова

Басова Надежда Анатольевна – аспирант кафедры этики и эстетики, Саратовский государственный университет
E-mail: salutnadia@gmail.com

Социально-философская аналитика детства в его ретроспективной динамике охватывает две фундаментальные социально-философские проблемы – становление личности и семьи. Статья освещает результаты исследования феномена детства с использованием генеалогического, психоаналитического и цивилизационного подходов. Социально-философский аспект аналитики детства представлен в контексте социально-философского осмысления природы: рассматриваются связи элементов природы и атрибутов детства, а также связь природы и первобытных людей, заключающаяся в первобытном творчестве как подражании древних людей природе и как проявлении качеств детства. Раскрывается значение архаических структур мифов и психики человека в понимании феномена детства как особого комплекса социально-психологических характеристик. Обнаруживается универсальная суть феномена детства, выражающаяся в единстве и многообразии характеристик ребенка как первичной целостности органического и социального.

Ключевые слова: социальная философия, генеалогия, психоанализ, общество, семья, детство, природа, цивилизация, тотем, табу, миф.

Общепринятое определение детства складывается в контекстах хронологического и социального рассмотрений. Это и период, когда человек не достиг статуса взрослого, и совокупность психологических качеств, характерных для детей. В то же время становится всё более очевидным, что феномен детства – сложное социальное явление. В разных типах общества бытуют существенные

различия в восприятии детства: детство – это и важный период для становления взрослой личности, и дешёвая рабочая сила. Однако отсутствует отношение к ребёнку как к полноправному социальному субъекту, проявляющему активность в общественных процессах. Всё это приводит к необходимости социально-философской аналитики детства в его ретроспективной динамике, что, в свою очередь, предполагает анализ феномена детства с применением метода генеалогии, психоаналитического и цивилизационного подходов, а также философское осмысление специфики феномена детства в процессе становления социального института семьи.

Исторически сложилось представление о ребёнке как о пассивном природном материале, нуждающемся в педагогической обработке для достижения полноправного социального статуса. Метод генеалогии ставит задачу рассмотрения детства через соотношение категорий «природа» и «общество». Генеалогия социального осуществляет перенос периода детства на историческое и общественное развитие. Книга выдающегося итальянского философа Дж. Вико «Основания новой науки об общей природе наций» является ярким примером потребности представителей эпохи просвещения осмыслить природу социального, обратившись к исследованию первобытного мира.